

**ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА**

**ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ**

**ЛЕКАРСТВО
ПРОТИВ ШОКА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Лекарство против шока / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-229397-9

У подполковника полиции Ролана Журавлева в жизни все отлично: красавица жена, любимая маленькая дочка, куча раскрытых заказных убийств. Бесстрашный сыщик, он всегда идет напролом, ничего не боится. Все изменилось в один день, когда по дороге в командировку в тамбуре вагона его ударили по голове. Очнулся в неизвестном захолустье уже не подполковник Журавлев, а потерявший память некий Федор Клевцов, женатый на местной жительнице. Неизвестно сколько бы продолжалась эта странная чужая жизнь, если бы однажды, вернувшись домой, Ролан-Федор не увидел растерзанный труп своей новой жены, а на собственных руках — ее кровь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229397-9

© Колычев В.Г., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Поезд несется в ночь, через открытую дверь в тамбур врывается грохот колес, нижние фартуки переходной площадки громко трясутся, Ролан ставит ногу, шаг, другой, и он уже в соседнем вагоне. Осталось только закрыть дверь, но кто-то бежит за ним... Он не успевает среагировать, и в следующую минуту получает сильный удар по затылку. Вспышка перед глазами, кто-то дьявольски хохочет, а потом тьма и тишина...

Но это не смерть. Ролан лежит на земле, свежий ветер колышет травинку между пальцами, пахнет ромашкой и сырой землей, где-то вдалеке гудит, уносится вдаль поезд... Голова может взорваться от боли, если открыть глаза, — шутка ли, на полном ходу вылететь из поезда и шею себе не свернуть. Тяжелое сотрясение мозга бесследно не проходит, но с последствиями он будет справляться потом. Сей-

час главное — подняться и поскорее добраться до ближайшей станции, до Волжска оставалось всего ничего. Два убийства, одно дело, если не поторопиться, возможен третий труп. Но сначала нужно разобраться, кто покушался на представителя следственного комитета.

Ролан все-таки открыл глаза. Утреннее небо над головой, пышные облака рекламируют молочный кисель на завтрак, на часах... Он поднял руку и тихо застонал от боли и от обиды — нет на руке часов, сняли. Ничего удивительного, часы дорогие, не «Ролекс», но швейцарские. Возможно, грабители на них и позарились.

«Ушли» часы. И поезд уже далеко-далеко, это какой-то другой состав проносится где-то в стороне. Ролан ходил в ресторан ужинать, а сейчас уже пора завтракать, оказывается, всю ночь под открытым небом пролежал...

Куры где-то рядом кудахчут, много кур, где-то в загоне они. Вообще, что-то странное происходит, нужно подняться, посмотреть.

Ролан попробовал подняться, но тут же закружилась голова, к горлу подступила тошнота с запахом перегара, тело повело куда-то в сторону. Он поднатужился, чтобы удержаться на ногах, вместе с ним покачнулся и дом... Одноэтажный дом, кирпичный, крыша из потемнев-

шего от времени шифера, остекленная веранда, в некоторых окошках фанера вместо стекла, газовая труба выкрашена в желтый цвет. Причем новую краску наносили поверх старой, не счищая трещины и облупленности. Слева, за газоном с клумбой, огород, кособокая теплица, сложенная из палок, сарай под углом в одну сторону, такая же древняя банька. Огород большой, до самого леса грядки, грядки... А где же насыпь железной дороги? И откуда в организме алкоголь? Ролан точно помнил, что в ресторане пил только сок. Не злоупотреблял он алкоголем, даже не курил, а сейчас хочется опохмелиться и крепко-крепко затянуться чем-нибудь вроде «Примы».

В сарае замычала корова, пахло навозом, а Ролан продолжал стоять, крутя головой и не понимая, где он, почему на нем чужая одежда, да и сам он как будто не свой.

Дверь в дом была нараспашку, крыльцо низкое — обрезок бетонной плиты, на веранде на боку в луже крови лежала немолодая женщина с жесткими курчавыми волосами каштанового цвета, в байковом халате. Глаза открыты, тело в неестественной позе, правая рука под телом, левая свободна, но под напряжением, видимо, потерпевшая пыталась закрыть

раны на животе, подтягивая под себя руку. Из-под волос на лоб вытекла струйка крови, так и свернулась, немного не добравшись до переносицы. А били женщину, по всей видимости, ножом. Сначала ударили ржавой трубой по голове, а потом ножом — в живот и грудь. При этом с нее сорвали ожерелье — жемчужные бусинки были рассыпаны на полу, одна лежала в луже крови. Причем сначала она упала, а потом уже натекло.

Ролан окинул взглядом стол справа от трупа: скатерть сдвинута, на полу перевернутая тарелка, куски сала, кружочки колбасы, вилка валяется, солонка. Ножа не видно. Зато на серванте совсем свежая царапина, как будто ножом в него ткнули. Сервант старый, дерево под краской иссохло и потемнело от времени, так что свежесть царапины — понятие относительное, появиться она могла как час назад, так и годом раньше. А вот стекло в дверце разбито совсем недавно, осколки на выступе нижней части валяются. А осколков от цельного стекла явно не хватает, ощущение такое, что кто-то вынул их из рамы. Пробойна в верхней дверце большая, руку просунуть можно, осколком не зацепишь. Ролан поднял правую руку женщины, а там порезы на внеш-

ней стороне ладони. Целых три царапины, но все уже поджившие, неглубокие. Но так и труп не совсем свежий, кровь на полу давно уже свернулась. Он нагнулся, потрогал мертвую руку, холодная — трупное окоченение уже дает о себе знать.

Да он и сам окоченел от холода, только сейчас это понял, когда его затрясло, заколотило. Но есть отличный способ согреться — на столе стояла недопитая бутылка без этикетки. Умом Ролан понимал, что прикасаться к ней нельзя, но рука сама потянулась к бутылке. Он жадно глотнул из горла, резкий сивушный запах ударил в нос, но его это не остановило. Ситуация жуткая, под ногами труп незнакомой женщины, сам он в крови, нужно выпить, чтобы успокоиться, унять дрожь в руках и теле.

Так с бутылкой он и вышел из дома. Остановился, глянул по сторонам. Домов поблизости не видно, людей тоже, тихо, одних только кур и слышно. Может, покормить их нужно? И корова в сарае недавно мычала, ей на выгул пора. Откуда Ролан это знает? Вопрос.

Не до коровы сейчас, и куры далеко на заднем плане. Труп женщины в доме, руки в крови, а в траве между цветочными кустами лежит нож. Окровавленный нож. Это Ролан

мог выронить его из руки, когда лежал с разбитой головой.

Он сначала пощупал бороду, затем рану на голове — шишка большая, но крови мало. Это чужая кровь на руке. Кровь погибшей женщины. Сам он убил ее или его кто-то подставил, сейчас неважно, прежде всего нужно избавиться от ножа, от бороды избавиться потом. И вообще, откуда она взялась?

Ролан поднял нож, разогнулся, кровь хлынула в голову, и его сильно качнуло. В ушах шумело так, что он не услышал шагов за калиткой.

— Федор Ильич! — донеслось за воротами.

Ролан повернулся на голос и увидел высокого мужчину в форме офицера полиции. Капитанские погоны казались слишком большими на узких плечах, как будто сползали с них, но сам капитан на ногах стоял крепко и, увидев нож в руке Ролана, стал вытаскивать пистолет из кобуры. Кожаную папку из-под мышки он переместил в руку, готовясь подставить ее под удар. Но Ролан не стал бить его, он выпустил нож из руки и мотнул головой:

— Я не Федор Ильич!

— Нет, конечно! — Капитан вернул пистолет в кобуру, но продолжал держать папку на

вытянутой руке. Потом отфутболил ногой лежащий на земле нож и сказал: — Отойди-ка!

Заглянул за порог и снова схватился за пистолет, сняв с предохранителя и передернув затвор. Другой рукой сдернул с пояса наручники и бросил их Ролану.

— Надевай!

— Я не убивал!

Наручники Ролан все-таки надел, он знал, как это делается, но раньше сам защелкивал браслеты на других.

Капитан убрал пистолет и позвонил оперативному дежурному.

— Участковый Валежников, труп у меня, улица Рябиновая, дом сто двенадцатый. Клевцова Арина Павловна. Подозреваемый задержан... Муж потерпевшей. Напился до чертиков...

— Я не муж. И не напивался. Моя жена — Журавлева Мария Сергеевна, а я — Журавлев Ролан Антонович. Подполковник юстиции, следователь по особо важным делам.

— Капитан полиции Валежников Юрий Константинович, участковый уполномоченный, по совместительству профессор психиатрии... Я тебя, Клевцов, насквозь вижу! Под психа закосить хочешь? Не выйдет!

— Я ничего не помню... Ехал в Волжский, шел через вагоны, удар по голове, очнулся здесь. Оказывается, я уже не Журавлев, а Клевцов.

— Белкин ты. Белочкин. Белочка к тебе приходила, она твою Арину убила, да?

— Не было никакой белочки, и я не Клевцов, а Журавлев. Позвони в Москву, капитан, Главное следственное управление следственного комитета, подполковник Журавлев.

— А почему не полковник? — усмехнулся участковый.

— Молодой я для полковника.

— И сколько ж тебе лет?

— Тридцать два.

— А выглядишь на пятьдесят.

— Выгляжу неважно, — согласился Ролан.

— А освободишься, на семьдесят будешь выглядеть. Если доживешь... С кем вчера гуляли, Митрофанов был?

— Не знаю никакого Митрофанова.

— Если был, мой тебе совет, вали все на него. Застукал, мол, их с Ариной, взбесился, схватился за нож в состоянии сильного душевного волнения, глядишь, срок скостят... А свою Арину с Митькой ты застукать мог, — пакостно усмехнулся Валежников.

Но Ролана за живое не зацепил, не попал. Какая-то Арина ему никто, все равно, как она вела себя в жизни. В какой-то потусторонней жизни... Что, если Ролан попал на тот свет и для него начинается ад? Вдруг тюремное заточение здесь длится вечность и в невыносимых условиях. Если так, то спорить бесполезно, приговор уже приведен в исполнение, следствие и суд всего лишь формальность.

Тут подъехала патрульно-постовая служба, Ролана заперли в зарешеченном отсеке, отвезли в отдел полиции и закрыли в камере для временно задержанных.

Через какое-то время им занялся эксперт-криминалист, сфотографировал, сделал смывы с рук, срезы с ногтей и волос, снял отпечатки пальцев, наконец взял на экспертизу одежду — клетчатую рубашку и джинсы, которыми побрезговал бы даже бомж. Обувь тоже забрали, взамен дали сланцы с надорванным креплением для ноги — как хочешь, так и носи.

Следователь принял его с наигранно усталым видом, взглядом показывая, что ему до чертиков надоели пьяницы и убийцы, к стенке их сразу ставить нужно, а приходится возиться...

Капитан юстиции Фрачников представлял следственное отделение полиции, видимо, следственный комитет еще не откликнулся на убийство. Он не спеша заполнял шапку протокола. Данные выписывал из паспорта, одной рукой стучал по клавишам, другой придерживал страницы. Его ничуть не смущало, что убийством должен заниматься следственный комитет, а не полиция. Возможно, в том мире, где оказался Ролан, все по-другому.

— Ну что, Клевцов, я тебя внимательно слушаю, — демонстративно зевнул капитан.

— Я не Клевцов, моя фамилия Журавлев.

— А это что?

Фрачников развернул паспорт, чтобы он смог видеть свою фамилию и фотографию. Действительно, Клевцов Федор Ильич. И себя на фотографии Ролан узнал, хотя и с трудом: осунувшийся, постаревший, болезненного вида. И дата выдачи его удивила: две тысячи шестнадцатый год. А в командировку он отправлялся в две тысячи одиннадцатом году, паспорт получил в шестнадцатом, значит, Клевцовым стал не вчера.

— А сейчас какой год?

— Две тысячи двадцать третий от Рождества Христова, — ответил Фрачников, глядя на

Ролана как на юродивого, и едко улыбнулся, предупреждая, что бесполезно прикидываться душевнобольным, с капитаном Фрачниковым такой номер не пройдет.

— Ничего не понимаю!

— Если не понимаешь, тебе все объяснят. На суде. На ноже твои «пальчики», на руках кровь потерпевшей... Да, пожалуй, больше ничего и не надо. Любой суд признает тебя виновным, и уедешь ты от нас лет на пятнадцать.

— «Пальчики» с ножа сняли, — кивнул Ролан, — а идентификацию как проводили, по свежей карте или по общей картотеке пробивали?.. Может, я вовсе не Клевцов, может, я опасный преступник, шел на этап, спрыгнул с поезда, Арина Клевцова меня подобрала...

— С поезда спрыгнул? — задумался Фрачников.

— На самом деле с поезда меня сбросили. Чудом выжил.

— Так, сейчас!

Следователь смахнул со стола открытую пачку сигарет и ушел, его место занял дежурный сержант, встал у Ролана за спиной, не разрешая поворачиваться, даже дубинку приготовил, чтобы, если что, бить. И никому нет дела

до шишки на голове подозреваемого, может, там не только внешняя, но и внутренняя гематома.

Фрачников вернулся через полчаса, сел, бросил сигареты на стол, положил перед собой лист бумаги и долго смотрел на арестованного, будто собираясь с мыслями.

— Вы всегда так много курите, товарищ капитан? — усмехнулся Ролан.

— Гражданин Клевцов, какое отношение вы имеете к подполковнику юстиции Журавлеву?

Разволновался и Ролан, даже горло пережало. Как минимум он находился в реальном, а не загробном измерении. И личность его, считай, установлена. Видимо, после удара по голове он потерял память, его выбросили из поезда, а Клевцова подобрала, приютила, обогрела и даже женила на себе, выправив новый паспорт. А вчера ночью его снова ударили по голове и снова память отбили... Память длинной в двенадцать лет... Маше уже тридцать шесть. И дочка, если она родилась, уже немаленькая. Маша находилась на седьмом месяце, когда он уезжал в командировку... Домой Ролану нужно! Домой, в Москву! Но сначала надо разобраться с убийством, в котором он

обвинялся. Все улики против него, а факты — вещь упрямая.

— У меня вопрос наоборот: какое отношение подполковник Журавлев имеет к гражданину Клевцову?

Ролан рассказал, как ехал в поезде, как получил удар по голове, как очнулся спустя двенадцать лет во дворе незнакомого дома.

— А ударили меня сегодня сильно. Я провалялся в отключке всю ночь.

— Ударили по голове... — поднимаясь из-за стола, повторил Фрачников, подошел к нему, с брезгливостью осмотрел рану и вернулся на свое место.

— Я могу глянуть на себя в зеркало? — спросил Ролан.

Зеркало висело в углу между шкафом и дверным косяком. Боковым зрением он его заметил, когда входил в кабинет, а посмотреть так и не рискнул. Да и сержант не разрешал поворачиваться.

— Ну, глянь.

Но сначала глянули на Ролана — человек из зеркала угрюмо смотрел на него. Косматые, невымытые темные волосы с густой проседью, неухоженная борода, морщинистый лоб, трещинки вокруг глаз, темные мешки. И тусклый

взгляд бесцельно и трудно живущего человека. Сорокачетырёхлетний Ролан выглядел даже больше чем на пятьдесят лет. Ощущение такое, как будто из могилы вылез, где провел двенадцать лет. Годы, навсегда вычеркнутые из жизни...

Не так уж и важно, как он сейчас выглядит, гораздо больше он боялся изменений в той жизни, которую когда-то оставил. За двенадцать лет Маша могла выйти замуж на правах вдовы. Нет, этого не может быть. Этого просто не может быть!

— Легче стало? — усмехнулся Фрачник.

— Я бы не сказал, — возвращаясь на место, покачал головой Ролан.

— Что с убийством Клевцовой будем делать? Помнишь, как убивал, или нет, а ее кровь у тебя на руках. И на орудии убийства твои «пальчики».

Ролан вздохнул, принимая неоспоримый факт. Он потерял память, Арина Клевцова пристроила его к своей жизни, хозяйство у нее большое, один огород чего стоит, видимо, Ролан работал, не разгибая спины. Память ему отказала, но руки-то помнят. Мозолистые руки. И еще он спал с Клевцовой, хотел — не хотел, но изменял с ней своей Маше. А по

вечерам садился с ней за стол и выпивал как последний алкаш. Организм не обманешь, организм просил водки. Но выпить ему не дадут, и еще с десятков лет он будет слышать «не положено».

— Участковый говорил про какого-то Митрофанова, — вспомнил Ролан.

— Был Митрофанов. Сидели, выпивали, в половине двенадцатого ночи пришла его жена, забрала мужа. Когда они уходили, Клевцова была жива. Ты проводил их до дома, вернулся назад...

— Ничего не помню. И не знаю, жива была Клевцова, когда я вернулся, или нет. Знаю только, что ударили меня, когда я заходил в дом. Крыльцо там низкое, сантиметров десять, не больше. Я так думаю, бил человек ростом на десять сантиметров выше моего. Сто девяносто сантиметров.

— У Митрофанова рост сто семьдесят, не больше, — заметил Фрачников.

— Значит, кто-то другой... Участковый, например. Но у Валежникова правая рука целая, кисть руки без единого пореза...

Наручники не помешали Ролану глянуть на свои царапины. Фрачников это заметил, оживился, хищно сощурился.

— Что-то все-таки помнишь?

— Вспоминаю. Место преступления. И свою шишку на затылке. Меня бил левша, а Клевцову зарезал правша.

— Так вас двое было?

— Преступник левша, бил с левой руки, обрезком ржавой трубы. Ударил меня, стащил с крыльца, швырнул на газон, ворвался в дом, а там Клевцова. Он и ее ударил обрезком трубы, но, видимо, недостаточно сильно...

— Ржавым обрезком трубы, — с насмешкой уточнил Фрачников.

Ролан тоже усмехнулся, понял он, о чем думает следователь: не мог подозреваемый осмотреть свою рану и обнаружить на ней ржавчину. Но Ролан видел правую руку покойной, которой она так и не дотянулась до раны на животе.

— На ладони у Клевцовой пятна ржавчины. Правой рукой она схватилась за обрезок трубы, левой, возможно, вцепилась в лицо преступника, надо бы взять образцы тканей у нее под ногтями.

— Ну, конечно, — усмехнулся Фрачников.

— Ты не понимаешь, капитан. Я служил не где-то, а в Главном управлении СК. Поверь, председатель следственного комитета возьмет